

СПАСЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО.

(Два пониманія христіанства.)

(Посвящается памяти Владиміра Соловьева)

*«Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ,
какой получилъ, какъ добрые домостроители мно-
горазличной благодати Божіей».*

(1. Петръ. — Гл. 4.10.)

Взаимоотношеніе между путями человѣческаго спасенія и путями человѣческаго творчества есть самая центральная, самая мучительная и самая острая проблема нашей эпохи. Человѣкъ погибаетъ и у него есть жажда спасенія. Но человѣкъ есть также по природѣ своей творецъ, созидатель, строитель жизни, и жажда творчества не можетъ въ немъ угаснуть. Можетъ ли человѣкъ спастись и въ то же время творить, можетъ ли творить и въ то же время спастись? И какъ понимать христіанство: есть ли христіанство исключительно религія спасенія души для вѣчной жизни или также творчество высшей жизни оправдано христіанскимъ сознаниемъ? Всѣ эти вопросы мучаютъ современную душу, хотя и не всегда сознается вся глубина ихъ. Желая оправдать свое жизненное призваніе, свое творческое жизненное дѣло, христіане не всегда сознаютъ, что рѣчь идетъ о самомъ пониманіи христіанства, объ усвоеніи его полноты. Мучительность проблемы спасенія и творчества отражаютъ расколы между Церковью и міромъ, духовнымъ и мірскимъ, сакральнымъ и свѣтскимъ. Церковь занята спасеніемъ, творчествомъ же занять свѣтскій міръ. Творческія дѣла, которыми занять міръ свѣтскій, не оправданы, не освящены Церковью. Есть глубокое пренебреженіе, почти презрѣніе церковнаго міра къ тѣмъ творческимъ дѣламъ въ жизни культуры, въ жизни общества, которыми полно движеніе, происходящее въ мірѣ. Въ лучшемъ случаѣ творчество допускается, попускается, на него смотрятъ сквозь

пальцы, не давая ему глубокаго оправданія. Спасеніе есть дѣло перваго сорта, единое на потребу, творчество же есть дѣло второго и третьяго сорта, приложеніе къ жизни, а не самое существо ея. Мы живемъ подъ знакомъ глубочайшаго религіознаго дуализма. Іерократизмъ, клерикализмъ въ пониманіи Церкви есть выраженіе и оправданіе этого дуализма. Церковная іерархія въ существѣ своемъ есть іерархія ангельская, а не человѣческая. Въ мірѣ человѣческомъ лишь символизуется небесная, ангельская іерархія. Система іерократизма, исключительное господство священства въ жизни Церкви, а черезъ Церковь и въ жизни міра, есть подавленіе человѣческаго начала ангельскимъ, подчиненіе человѣческаго начала ангельскому началу, какъ призванному водительствовать жизнью. Она всегда есть господство условнаго символизма. Но подавленіе человѣческаго начала, недопущеніе его своеобразнаго творческаго выраженія, есть ущербленіе христіанства, какъ религіи Богочеловѣчества. Христось былъ Бого-человѣкомъ, а не Бого-ангеломъ, въ Немъ въ совершенствѣ соединилась въ одномъ лицѣ Божественная природа съ природой человѣческой и этимъ человѣческая природа вознесена до жизни божественной. И Христось-Богочеловѣкъ былъ основоположникомъ новаго духовнаго рода человѣческаго, жизни Бого-человѣчества, а не Бого-ангельства. Церковь Христова есть Богочеловѣчество. Ангельское начало есть начало посредствующее между Богомъ и человѣчествомъ, начало пассивно-медіумическое, передающее Божью энергію, проводникъ Божьей благодати, а не начало активно-творческое. Начало активно-творческое предоставлено человѣчеству. Но грѣховная ограниченность человѣчества не вмѣщаетъ полноты христіанской истины. И подавляющее господство ангельско-іерократическаго начала есть показатель безсилія грѣховнаго человѣчества выразить свою творческую природу, понять христіанство въ полнотѣ и всецѣлости. Путь спасенія для грѣховнаго человѣчества нуждается прежде всего въ ангельско-іерократическомъ началѣ. Путь же творчества остался самочиннымъ человѣческимъ путемъ, не освященнымъ и неоправданнымъ, и въ немъ человѣкъ предоставленъ себѣ.

Религіозная невыраженность человѣческаго начала, какъ органической части жизни Богочеловѣчества, религіозная нераскрытость свободнаго призванія человека создаетъ дуализмъ Церкви и міра, Церкви и культуры, рѣзкій дуализмъ сакральнаго и свѣтскаго. Для вѣрующаго христіанина создается двѣ жизни, жизнь перваго и второго сорта. И этотъ дуализмъ, эта двойственность жизни достигаетъ особенной остроты въ христіанствѣ новаго времени. Въ христіанствѣ средневѣковомъ была своя теократическая, іерократическая культура, въ которой все творчество жизни было самоподчинено религіозному началу, понятому какъ господство ангельской іерархіи надъ человѣческой. Въ средневѣковѣйшій культура и общество были сакральны, но религіозное оправданіе было условно-символическимъ. Культура по идеѣ своей была ангельской, а не человѣческой. Господство ангельскаго начала всегда ведетъ къ символизму, къ условному, знаковому отображенію въ чело-

вѣческомъ мірѣ небесной жизни безъ реального ея достиженія, безъ реального преображенія человѣческой жизни. Новое время низвергло символику и совершило разрывъ. Человѣкъ возсталъ во имя своей свободы и пошелъ своимъ самочиннымъ путемъ. Для религіи остался уголокъ души. Церковь начали понимать дифференціально. Христіанинъ новаго времени живетъ въ двухъ перебивающихся ритмахъ — въ Церкви и въ мірѣ, въ путяхъ спасенія и въ путяхъ творчества. Въ теократическихъ обществахъ, въ теократическихъ культурахъ человѣческое начало было подавлено, свобода человѣка не дала еще своего согласія на осуществленіе Царства Божьяго. Въ гуманистическихъ обществахъ и культурахъ новаго времени человѣческое начало оторвалось отъ Бога и отъ дѣйствія Божьей благодати. Соединеніе Божества и человѣчества не достигалось. Пути творчества міра гуманистическаго были безъ Бога и противъ Бога. Драма новой гуманистической исторіи есть драма глубокой оторванности путей творчества жизни отъ путей спасенія, отъ Бога и Божьей благодати. Дуализмъ Церкви и міра достигаетъ такихъ формъ выраженія, которыхъ не знали прежнія сакральныя органическія эпохи. Въ мірѣ происходило огромное творческое движеніе въ наукѣ, въ философіи, въ искусствѣ, въ государственной и соціальной жизни, въ завоеваніяхъ техники, въ моральныхъ отношеніяхъ людей, даже въ религіозной мысли, въ мистическихъ настроеніяхъ. Всѣ мы, не только невѣрующіе, но и вѣрующіе христіане, участвуемъ въ этомъ движеніи міра, движеніи культуры, отдаемъ ему значительную часть своего времени и силъ. По Воскресеньямъ мы ходимъ въ Церковь. Шесть дней въ недѣлю мы отдаемъ нашему творческому, созидательному труду. И наше творческое отношеніе къ жизни остается неоправданнымъ, не освященнымъ, не соподчиненнымъ религіозному началу жизни. Старое, средневѣковое теократически-іерократическое оправданіе и освященіе всего процесса жизни уже не имѣетъ надъ нами силы, омертвѣло. Самые вѣрующіе, самые православные люди участвуютъ въ неоправданной и неосвященной жизни міра, подчиняютъ себя свѣтской, не сакральной наукѣ, свѣтскому, не сакральному хозяйству, свѣтскому, не сакральному праву, быту, давно уже потерявшему сакральный характеръ. Вѣрующіе, православные люди живутъ церковной жизнью въ Церкви, ходятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ храмъ, говѣютъ въ великій постъ, молятся Богу утромъ и вечеромъ, но не живутъ церковной жизнью въ мірѣ, въ культурѣ, въ обществѣ. Творчество ихъ, въ жизни государственной и хозяйственной, въ наукахъ и искусствахъ, въ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, въ повседневной морали остается внѣцерковнымъ, внѣрелигіознымъ, свѣтскимъ, мірскимъ. Это совсѣмъ другой ритмъ жизни. Бурное творческое движеніе происходило въ мірѣ, въ культурѣ. Въ Церкви же на долгое время наступила сравнительная бездвижность, какъ бы окаменѣніе и окостенѣніе. Церковь начала жить исключительно охраненіемъ, связью съ прошлымъ, т. е. выражала лишь одну сторону церковной жизни. Церковная іерархія стала враждебна къ творчеству, подозрительна къ духовной культурѣ,

принижаетъ человѣка и боится его свободы, противопоставляетъ путямъ творчества пути спасенія. Мы спасаемся въ одномъ планѣ бытія и творимъ жизнь въ совсѣмъ другомъ планѣ бытія. И всегда остается опасеніе, что въ томъ планѣ, въ которомъ мы творимъ, мы погибаемъ, а не спасаемся. И нѣтъ никакой надежды на то, что непереносимый далѣе дуализмъ можетъ быть преодолень черезъ подчиненіе всей нашей жизни и всѣхъ творческихъ порывовъ началу іерократическому, черезъ возвращеніе къ теократіи въ старомъ смыслѣ слова. Къ условному символизму іерократическихъ обществъ и культуръ нѣтъ возврата. Это могло бы быть лишь временной реакціей, отвергающей творчество. Во всей остротѣ поставлена религіозная проблема о человѣкѣ, о его свободѣ и творческомъ призваніи. И это есть не только проблема міра, проблема выношенная и вымученная въ современной культурѣ, это есть также проблема Церкви, проблема христіанства, какъ религіи Богочеловѣчества.

Мышленіе новаго времени все было подвергнуто разлагающему вліянію номинализма. Въ сознаніи человѣчества разложились и расплылись онтологическія реальности. Этотъ процессъ затронулъ и церковное сознаніе. И какъ разъ наиболѣе реакціонныя теченія церковной мысли усвоили себѣ номиналистическое пониманіе Церкви. Церковь перестали пожимать интегрально, какъ вселенскій духовный организмъ, какъ онтологическую реальность, какъ охристовленный космосъ. Побѣдило дифференціальное пониманіе Церкви, какъ учрежденія, какъ общества вѣрующихъ, какъ іерархіи и храма. Церковь превратилась въ лечебное заведеніе, въ котокое поступаютъ отдѣльные души на излеченіе. Такъ утверждается христіанскій индивидуализмъ, равнодушный къ судьбѣ человѣческаго общества и міра. Церковь существуетъ для спасенія отдѣльныхъ душъ, но не интересуется творчествомъ жизни, преображеніемъ жизни общественной и космической. Такого рода исключительно монашески-аскетическое Православіе въ Россіи возможно было лишь потому, что Церковь возложила все строительство жизни на государство. Лишь существованіе Церковью освященной самодержавной монархіи дѣлало возможнымъ такой православный индивидуализмъ, такую отдѣленность христіанства отъ жизни міра. Міръ держала и охраняла православная монархія, ею держался и церковный строй. Церковь была равнодушна не только къ строительству жизни культурной и общественной, но и къ строительству жизни церковной, къ жизни приходовъ, къ организациіи независимой церковной власти. Существованіе православной самодержавной монархіи есть обратная сторона монашески-аскетическаго Православія, понимающаго Православіе исключительно какъ религію личнаго спасенія. И потому паденіе самодержавной монархіи, русскаго православнаго царства, вноситъ существенныя измѣненія въ церковное сознаніе. Православіе не можетъ оставаться по преимуществу монашески-аскетическимъ. Христіанство не можетъ сводиться къ индивидуальному спасенію отдѣльныхъ душъ. Церковь неизбѣжно обращается къ жизни общества и міра, неизбѣжно должна участвовать въ строительствѣ жизни.

Въ самодержавной монархіи, какъ типъ православной теократіи, господствовало ангельское, а не человѣческое начало. Царь, согласно этой концепціи есть въ сущности ангельскій, а не человѣческій чинъ. Паденіе православной теократіи должно вести къ пробужденію творческой активности самаго христіанскаго народа, активности человѣческой, къ строительству христіанскаго общества. Этотъ поворотъ начинается прежде всего съ того, что православные люди дѣлаются отвѣтственными за судьбу церкви въ мірѣ, въ исторической дѣйствительности, что они на себя принуждены возложить строительство церковное, жизнь приходоу, заботы о храмѣ, организацію церковной жизни, братствъ и т. п. Но это измѣненіе православной психологіи не можетъ ограничиться строительствомъ церковной жизни, оно распространяется и на всѣ стороны жизни. Вся жизнь можетъ быть понята, какъ жизнь церковная. Въ Церковь входятъ всѣ стороны жизни. Неизбѣженъ поворотъ къ интегральному пониманію Церкви, т.е. къ преодолѣнію Церковнаго номинализма и индивидуализма. Пониманіе христіанства исключительно какъ религіи личнаго спасенія, суженіе объема Церкви до чего-то существующаго на ряду со всѣмъ остальнымъ, въ то время какъ Церковь есть положительная полнота бытія, и было источникомъ величайшихъ разстройствъ и катастрофъ въ христіанскомъ мірѣ. Приниженіе человѣка, его свободы и его творческаго призванія, порожденное такимъ пониманіемъ христіанства, и вызвало возстаніе и бунтъ человѣка во имя своей свободы и своего творчества. На пустомъ мѣстѣ, которое оставлено въ мірѣ христіанствомъ, началъ строить антихристъ свою вавилонскую башню и далеко зашелъ въ своемъ строительствѣ. Манившая свобода человѣческаго духа, свобода человѣческаго творчества на этомъ пути окончательно погибаетъ. Церковь должна была охранять себя отъ злыхъ стихій міра и злыхъ въ немъ движеній. Но подлинное охраненіе святыни возможно лишь при допущеніи христіанскаго творчества.

II

На какой духовной основѣ базируется православный индивидуализмъ, чѣмъ оправдывается пониманіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, равнодушной къ судьбѣ общества и міра? Христіанство въ прошломъ необычайно богато, многообразно и многосторонне. Въ Евангеліи, въ апостольскихъ посланіяхъ, въ святоотеческой литературѣ и въ церковномъ преданіи можно найти основаніе для разнообразныхъ пониманій христіанства. Пониманіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, подозрительной ко всякому творчеству, опирается исключительно на аскетическую святоотеческую литературу, которая не есть все христіанство и не есть вся святоотеческая литература. «Добротолюбіе» какъ бы заслонило собой все остальное. Въ аскетикѣ выражена вѣчная истина, которая входитъ во внутрен

ній духовный путь, какъ неизбѣжный моментъ. Но она не есть полнота христіанской истины. Героическая борьба съ природой ветхаго Адама, съ грѣховными страстями выдвинула извѣстную сторону христіанской истины и преувеличила ее до всепоглощающихъ размѣровъ. Истины, раскрывавшіяся въ Евангеліи и въ апостольскихъ посланіяхъ, были отодвинуты на второй планъ, подавлены. Въ основу всего христіанства, въ основу всего духовнаго пути человѣка, пути спасенія для вѣчной жизни было положено смиреніе. Человѣкъ долженъ смиряться, все же остальное приложится само собой. Смиреніе есть единственный методъ внутренняго духовнаго дѣланія. Смиреніе заслоняетъ и подавляетъ любовь, которая открывается въ Евангеліи и является основой Новаго Завѣта Бога съ человѣкомъ. Онтологическій смыслъ смиренія заключается въ реальной побѣдѣ надъ самоутверждающейся человѣческой самостью, надъ грѣховной склонностью человѣка полагать центръ тяжести жизни и источникъ жизни въ себѣ самомъ, — смыслъ этотъ въ преодолѣніи гордыни. Смыслъ смиренія въ реальномъ измѣненіи и преображеніи человѣческой природы, въ господствѣ духовнаго человѣка надъ душевнымъ и плотскимъ человѣкомъ. Но смиреніе не должно подавлять и угашать духъ. Смиреніе не есть внѣшнее послушаніе, покорность и подчиненіе. Человѣкъ можетъ быть очень дисциплинированъ, очень послушенъ и покоренъ и не имѣть никакого смиренія. Мы это видимъ наприм. въ коммунистической партіи. Смиреніе есть дѣйствительное измѣненіе духовной природы, а не внѣшнее подчиненіе, оставляющее природу неизмѣнной, внутренняя работа надъ самимъ собой, освобожденіе себя отъ власти страстей, отъ низшей природы, которую человѣкъ принимаетъ за свое истинное я. Въ смиреніи утверждается истинная іерархія бытія, духовный человѣкъ получаетъ преобладаніе надъ душевнымъ человѣкомъ, Богъ получаетъ преобладаніе надъ міромъ. Смиреніе есть путь самоочищенія и самоопредѣленія. Смиреніе есть не уничтоженіе человѣческой воли, а просвѣтленіе человѣческой воли, свободное подчиненіе ея Истинѣ. Христіанство не можетъ отрицать смиренія, какъ момента внутренняго духовнаго пути. Но смиреніе не есть цѣль духовной жизни. Смиреніе есть подчиненное средство. И смиреніе не есть единственное средство, не есть единственный путь духовной жизни. Внутренняя духовная жизнь безмѣрно сложнѣе и многограннѣе. И нельзя отвѣчать на всѣ запросы духа проповѣдью смиренія. И смиреніе можетъ пониматься ложно и слишкомъ внѣшне. Внутренней духовной жизни и внутреннему пути принадлежитъ абсолютный примаъ, она первичнѣе, глубже, изначальнѣе всего нашего отношенія къ жизни общества и міра. Въ духовномъ мірѣ, изъ глубины духовнаго міра опредѣляется все наше отношеніе къ жизни. Это — аксіома религіи, аксіома мистики. Но возможно пониманіе смиренія, извращающее всю нашу духовную жизнь, не вмѣщающее Божественной истины христіанства, Божественной полноты. И въ этомъ вся сложность вопроса.

Построение жизни на одномъ духѣ смиренія и создаетъ внѣшнюю авторитарно-іерократическую систему. Всѣ вопросы общественнаго устройства и культурнаго созиданія рѣшаются въ примѣненіи къ смиренію. Хорошъ тотъ строй общества, въ которомъ люди наиболѣе смиряются, наиболѣе послушны. Осуждается всякій строй жизни, въ которомъ дано выраженіе творческимъ инстинктамъ человѣка. Такъ не рѣшается ни одинъ вопросъ по существу, а лишь въ отношеніи къ тому, способствуетъ ли это смиренію человѣка. Вырожденіе смиренія ведетъ къ тому, что оно перестаетъ пониматься внутренно, сокровенно, какъ мистическій актъ, какъ явленіе внутренней духовной жизни. Смиреніе превращается во внѣшнюю систему жизнеустройства, подавляющую человѣка. Смиреніе въ мистической своей сущности совсѣмъ не противоположно свободѣ, оно есть актъ свободы и предполагаетъ свободу. Только свободное смиреніе, свободное подчиненіе душевнаго человѣка человѣку духовному имѣетъ религіозное значеніе и цѣнность. Принудительное смиреніе, навязанное, опредѣляющееся внѣшнимъ строемъ жизни не имѣетъ никакого значенія для духовной жизни. Рабство и смиреніе — разныя духовныя состоянія. Смиряюсь я самъ въ своемъ внутреннемъ духовномъ пути, въ свободномъ актѣ полагаю въ Богѣ, а не въ своей самости, источникъ жизни. Для феноменологическаго анализа раскрывается, что моя свобода предшествуетъ моему смиренію. Смиреніе есть внутреннее, сокровенное духовное состояніе. Но выродившееся, деградировавшее смиреніе, смиреніе упадочное превращается во внѣшне навязанную, принудительную систему жизни, отрицающую свободу человѣка, принижаящую человѣка. На почвѣ смиренія легко рождается лицемеріе и ханжество. Въ то время какъ онтологическій смыслъ смиренія заключается въ освобожденіи духовнаго человѣка, упадочное смиреніе держитъ человѣка въ состояніи подавленности и угнетенности, сковываетъ его творческія силы. Великіе подвижники и святые совершали героическій актъ духовнаго освобожденія человѣка, противленія низшей природѣ, власти страстей. Упадочники смиренія отрицаютъ героическій актъ духовнаго освобожденія человѣка и держатъ человѣка въ подчиненіи авторитарной системѣ жизни. Когда я смиряюсь передъ волей Божіей, когда я побѣждаю въ себѣ рабій бунтъ самости, я иду отъ свободы и иду къ свободѣ. Самость поработачиваетъ меня, и я хочу освободиться отъ нея. Смиреніе есть одинъ изъ методовъ перехода отъ состоянія, въ которомъ господствуетъ низшая природа, къ состоянію, въ которомъ господствуетъ высшая природа, т.е. оно означаетъ возрастаніе человѣка, духовный его подъемъ. Упадочное же смиреніе хочетъ системы жизни, въ которой никогда не наступаетъ освобожденіе, никогда не достигается духовнаго подъема, никогда не выявляется высшей природы. Освобожденіе духа, духовный подъемъ, выявленіе высшей природы объявляется несмираннымъ состояніемъ, недостаткомъ смиренія. Смиреніе изъ средства и пути превращается въ самоцѣль.

Смиреніе начинаютъ противопоставлять любви. Путь любви признается не

смираннымъ, дерзновеннымъ путемъ. Евангеліе окончательно подмѣняется «Добролюбіемъ». Гдѣ ужъ мнѣ грѣшному и недостойному притязать на любовь къ ближнему, на братство. Моя любовь будетъ заражена грѣхомъ. Сначала я долженъ смириться, любовь же явится, какъ плодъ смиренія. Но смиряться я долженъ всю жизнь и безгрѣшнаго состоянія не достигну никогда. Поэтому и любовь не явится никогда. Гдѣ ужъ мнѣ грѣшному дерзать на духовное совершенствованіе, на мужество и высоту духа, на достиженіе высшей духовной жизни. Сначала нужно побѣдить грѣхъ смиреніемъ. На это уйдетъ вся жизнь и не останется времени и силъ для творческой духовной жизни. Она возможна лишь на томъ свѣтѣ, да и тамъ врядъ ли, на этомъ же свѣтѣ возможно лишь смиреніе. Упадочное смиреніе создаетъ систему жизни, въ которой жизнь обыденная, обывательская, мѣщански-бытовая почитается болѣе смиренной, болѣе христіанской, болѣе нравственной, чѣмъ достиженіе болѣе высокой духовной жизни, любви, созерцанія, познанія, творчества, всегда подозрѣваемыхъ въ недостаткѣ смиренія и гордости. Торговать въ лавкѣ, жить самой эгонстической семейной жизнью, служить чиновникомъ полиціи или акцизнаго вѣдомства — смиренно, не заносчиво, не дерзновенно. А вотъ стремиться къ христіанскому братству людей, къ осуществленію правды Христовой въ жизни, или быть философомъ и поэтомъ, христіанскимъ философомъ и христіанскимъ поэтомъ — не смиренно, гордо, заносчиво и дерзновенно. Лавочникъ не только корыстолюбивый, но и безчестный, менѣе подвергается опасности вѣчной гибели, чѣмъ тотъ, кто всю жизнь ищетъ истины и правды, кто жаждетъ въ жизни красоты, чѣмъ Вл. Соловьевъ напр. Гностикъ,*) поэтъ жизни, искатель правды жизни и братства людей подвергается опасности вѣчной гибели, такъ какъ недостаточно смирененъ, гордъ. Получается безвыходный, порочный кругъ. Стремленіе къ осуществленію Божьей Правды, Царства Божьяго, духовной высоты и духовнаго совершенства объявляется духовнымъ несовершенствомъ, недостаткомъ смиренія. Въ чемъ же основной порокъ упадочнаго смиренія и его системы жизни? Этотъ основной порокъ скрытъ въ ложномъ пониманіи соотношенія между грѣхомъ и путями освобожденія отъ грѣха или достиженія высшей духовной жизни. Я не могу разсуждать такъ — міръ лежитъ во злѣ, я грѣшный человекъ и потому мое стремленіе къ осуществленію Христовой Правды и къ братской любви между людьми есть горделивое притязаніе, недостатокъ смиренія, ибо всякое подлинное движеніе въ направленіи осуществленія любви и правды есть побѣда надъ зломъ, есть освобожденіе отъ грѣха. Я не могу говорить такъ — стремленіе къ духовному совершенству и духовной высотѣ есть гордость и недостатокъ смиренія, недостаточное сознаніе грѣ-

*) Слово гностикъ я употребляю здѣсь не въ смыслѣ еретическаго гнозиса Валентина или Васелида, а въ смыслѣ религіознаго познанія, въ смыслѣ свободной теософіи, какъ у св. Клементя Александрійскаго и Оригена. Фр. Бендера и Вл. Соловьева:

ховности человека, ибо всякий шагъ къ духовному совершенству и духовной высотѣ есть путь побѣды надъ грѣхомъ. Я не могу говорить такъ — я грѣшный человекъ мое и дерзновеніе познавать тайны бытія и творить красоту есть недостатокъ смиренія, гордость, ибо подлинное познаніе и подлинное творчество красоты есть уже побѣда надъ грѣхомъ, преображеніе жизни. Нельзя сказать: грѣхъ искажаетъ и извращаетъ и любовь, и духовное совершенствованіе, и познаніе и все, и потому нѣтъ побѣды надъ грѣхомъ на этихъ путяхъ. Ибо совершенно также можно сказать: путь смиренія искажается и извращается человеческимъ грѣхомъ и корыстолюбіемъ и есть искаженное, упадочное, извращенное смиреніе, смиреніе, превратившееся въ рабство, въ эгоизмъ, въ трусость. Смиреніе не болѣе гарантировано отъ искаженія, и вырожденія, чѣмъ любовь или познаніе.

Грѣхъ побѣждается съ великимъ трудомъ и побѣждается онъ лишь силой благодати. Но пути этой побѣды, пути стяжанія благодати многообразны и объемлютъ всю полноту бытія. Наша любовь къ ближнему, наше познаніе, наше творчество, конечно, искажаются грѣхомъ и несутъ на себѣ печать несовершенства, но такъ же искажаются грѣхомъ и несутъ на себѣ печать несовершенства и пути смиренія. Христосъ завѣщаль прежде всего любить Бога и любить ближняго, искать превыше всего Царства Божьяго, совершенства подобнаго совершенству Отца Небеснаго. «Добротолубіе», въ которое не вошли наиболѣе замѣчательныя мистическія творенія Св. Максима Исповѣдника, Св. Симеона Новаго Богослова и др., есть прежде всего собраніе морально-аскетическихъ наставленій для монаховъ, а не выраженіе полноты христіанства и его путей. Не только духъ Евангелія и апостольскихъ посланій, но и духъ греческой патристики въ наиболѣе глубокихъ своихъ теченіяхъ иной, чѣмъ напр. односторонній духъ православія Теофана Затворника. Конечно, у Теофана Затворника есть много вѣрнаго и вѣчнаго, особенно въ его лучшей книгѣ «Путь къ спасенію», но отношеніе его къ жизни міра — упадочно-боязливое, христіанство его умаленное и уцербленное. Центральной идеей восточной патристики была идея теозиса, обоженія твари, преображеніе міра, космоса, а не идея личнаго спасенія. Не случайно величайшіе восточные учителя Церкви такъ склонны были къ идеѣ апокатастазиса, не только св. Климентъ Александрійскій и Оригенъ, но и св. Григорій Нисскій, св. Григорій Назіанзинъ, св. Максимъ Исповѣдникъ. Судебное пониманіе мірового процесса, судебное пониманіе искупленія, созиданіе ада, спасенія избранныхъ и вѣчной гибели всего остального человечества выражено главнымъ образомъ въ западной патристикѣ, у Бл. Августина, а потомъ въ западной схоластикѣ. Для классической греческой патристики христіанство не было только религіей личнаго спасенія. Она направлена была къ космическому пониманію христіанства, выдвигала идею просвѣтленія и преображенія міра, обоженія твари. Лишь позже христіанское сознаніе начало болѣе дорожить идеей ада, чѣмъ идеей преображенія и обоженія міра. Быть можетъ, это явилось результатомъ преобладанія

варварскихъ народовъ съ ихъ жестокими инстинктами. Эти народы должны были быть подвергнуты суровой дисциплинѣ и устрашенію, такъ какъ ихъ плоть и кровь, ихъ страсти грозили гибелью христіанству и всякому порядку въ мірѣ. Христіанство, понятое какъ религія личнаго спасенія отъ вѣчной гибели черезъ смиреніе, привело къ паникѣ и террору.*) Человѣкъ жилъ подѣ страшнымъ давленіемъ ужаса вѣчной гибели и соглашался на все, лишь бы избѣжать ее. Авторитарная система повиновенія и подчиненія создалась аффектомъ ужаса гибели, паническаго ужаса вѣчныхъ адскихъ мукъ.**) При такой духовной настроенности, при такомъ состояніи сознанія очень затруднено творческое отношеніе къ жизни. Не до творчества, когда грозитъ гибель. Вся жизнь поставлена подѣ знакъ ужаса, страха. Когда свирѣпствуетъ чума, и ежесекундно грозитъ смерть, человѣку не до творчества, онъ исключительно занятъ мѣрами спасенія отъ чумы. Иногда и христіанство понимается, какъ спасеніе отъ свирѣпствующей чумы. Творчество и строительство жизни оказывалось возможнымъ лишь благодаря системѣ дуализма, которая давала минуты забвенія о спасеніи отъ гибели. Человѣкъ отдавался наукамъ и искусствамъ или общественному строительству, забывъ на время о грозящей гибели, раскрывая для себя другую сферу бытія, отличную отъ той сферы, въ которой свершается гибель и спасеніе, и ничѣмъ не связывая эти двѣ сферы. Пониманіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія отъ гибели, есть система т р а н с ц е н д е н т н а г о э г о и з м а, или трансцендентнаго утилитаризма и эвдемонизма. К. Леонтьевъ съ обычной для него смѣлостью исповѣдывалъ такую религію т р а н с ц е н д е н т н а г о э г о и з м а. Но именно потому его отношеніе къ жизни міра было вполнѣ языческимъ и онъ дуалистически сочеталъ въ себѣ человѣка аеонскаго и оптинскаго аскетически-монашескаго православія съ человѣкомъ италіанскаго Ренессанса XVI вѣка. При трансцендентно-эгоистическомъ сознаніи человѣкъ поглощенъ не достиженіемъ высшей совершенной жизни, а заботой о спасеніи своей души, думой о своемъ вѣчномъ благополучіи. Трансцендентный эгоизмъ и эвдемонизмъ естественно отрицаетъ путь любви и не можетъ быть вѣренъ евангельскому завѣту, который предлагаетъ намъ погубить свою душу для пріобрѣтенія ея, отдать ее для своего ближняго, учить прежде всего любви, безкорыстной любви къ Богу и ближнему. Но выдавать христіанство за религію трансцендентнаго эгоизма, не знающую безкорыстной любви къ божествен-

*) Яркимъ примѣромъ панической настроенности является Альфонсъ де Лигуари, который возвелъ мнительность въ принципъ, жилъ въ вѣчномъ ужасѣ грѣха, просилъ у духовника разрѣшенія, чтобы выпить стаканъ воды и не находилъ въ себѣ силъ дать отпущеніе грѣховъ. См. прекрасную его характеристику въ книгѣ Гейлера: «Der Katholicismus», стр. 153-157.

**) Въ чарующей книгѣ «Откровенные рассказы странника духовному своему Отцу» говорится: «Боязнь муки — есть путь раба, а желаніе награды въ царствіи есть путь наемника. А Богъ хочетъ, чтобы мы шли къ Нему путемъ сыновнимъ». стр. 35.

ному совершенству, значитъ клеветать на христіанство. Это есть или христіанство варварское, христіанство усмиряющее дикость страстей и этими страстями искаженное, или христіанство упадочное, ущербленное, обѣдненное. Христіанство всегда было, есть и будетъ не только религіей личнаго спасенія и ужаса гибели, но также религіей преображенія міра, обоженія твари, религіей космической и соціальной, религіей безкорыстной любви, любви къ Богу и человѣку, обѣтованія Царства Божьяго. При индивидуалистически-аскетическомъ пониманіи христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, заботы лишь о собственной душѣ, непонятно и ненужно откровеніе о Воскресеніи всей твари. Для религіи личнаго спасенія нѣтъ никакой міровой эсхатологической перспективы, нѣтъ никакой связи личности, отдѣльной человѣческой души съ міромъ, съ космосомъ, со всѣмъ твореніемъ. Этимъ отрицается іерархическій строй бытія, въ которомъ все связано со всѣмъ, въ которомъ не можетъ быть выдѣлена индивидуальная судьба. Индивидуалистическое пониманіе спасенія болѣе свойственно протестанскому піетизму, чѣмъ церковному христіанству. Я не могу спастись самъ, въ одиночку, я могу спастись лишь вмѣстѣ съ моими братьями, вмѣстѣ со всѣмъ Божиимъ твореніемъ, и я не могу думать лишь о собственномъ спасеніи, я долженъ думать и о спасеніи другихъ, о спасеніи всего міра. Да и спасеніе есть лишь экзотерическое выраженіе для достиженія духовной высоты, совершенства, богоподобія, какъ верховной цѣли міровой жизни.

III..

Величайшіе христіанскіе мистики всѣхъ вѣроисповѣданій любовь къ Богу и сліяніе съ Богомъ ставили выше личнаго спасенія. Христіанство внѣшнее часто обвиняло мистиковъ въ томъ, что для нихъ центръ тяжести духовной жизни лежитъ совсѣмъ не въ путяхъ личнаго спасенія, что они идутъ опасными путями мистической любви. Мистика есть вѣдь совсѣмъ иная ступень духовной жизни, чѣмъ аскетика. Своеобразіе мистики можно изучать, читая «Гимны» Св. Семеона Новаго Богослова. Христіанская мистика и спасеніе понимаетъ, какъ просвѣтленіе и преображеніе, обоженіе твари, какъ преодоленіе замкнутой тварности, т.е. оторванности отъ Бога. Идея обоженія господствуетъ надъ идеей спасенія. Это прекрасно выражено св. Семеономъ Новымъ Богословомъ: «я насыщаюсь Его любовью и красотой, и исполняюсь божественнаго наслажденія и сладости. Я дѣлаюсь причастнымъ свѣта и славы: лицо мое, какъ и Возлюбленнаго моего, сіяетъ, и всѣ члены мои дѣлаются свѣтоносными. Тогда я содѣлываюсь красивѣе красивыхъ, богаче богатыхъ, бываю сильнѣйшимъ всѣхъ сильныхъ, болѣе великимъ царей и гораздо честнѣйшимъ чего-бы то ни было видимаго, не только земли и того, что на землѣ, но и неба и всего, что на небѣ.» Я цитирую величайшаго мистика Православнаго Востока. Можно было

бы привести неисчислимо количество отрывковъ изъ западной мистики, католической латинской или германской мистики, которые подтверждаютъ ту мысль, что у мистиковъ центръ тяжести никогда не лежитъ въ стремленіи къ спасенію. Католическая мистика преодолевала юридизмъ католическаго богословія, судебное пониманіе отношеній между Богомъ и человѣкомъ. Споръ Босскюэа съ Фенелономъ и былъ споръ богослова съ мистикомъ. Въ мистическомъ пути всегда было безкорыстіе, отрѣшенность, забвеніе о себѣ, обнаруженіе безмѣрной любви къ Богу. Но любовь къ Богу есть творческое состояніе духа, въ ней есть преодоленіе всякой подавленности, освобожденность, положительное раскрытіе духовнаго человѣка. Смирненіе есть лишь средство, оно еще негативно. Любовь къ Богу есть цѣль, она уже позитивна. Любовь къ Богу есть уже творческое преображеніе человѣческой природы. Но любовь къ Богу есть также любовь къ духовной высотѣ, къ божественному въ жизни. Эросъ божественнаго есть духовный подъемъ, духовное возрастаніе, побѣда творческаго состоянія духа надъ состояніемъ подавленности, то выростаніе крыльевъ души, о которомъ говоритъ Платонъ въ «Федръ». Положительное содержаніе бытія есть любовь, творческая, преображающая любовь. Любовь не есть какая то особенная, отдѣльная сторона жизни, любовь есть вся жизнь, полнота жизни. Познаніе есть также обнаруженіе любви, познавательной любви, познавательнаго слиянія любящаго съ своимъ предметомъ, съ бытіемъ, съ Богомъ. Творчество красоты есть также обнаруженіе гармоніи любви въ бытіи. Любовь есть утвержденіе лика любимаго въ вѣчности и Богъ, т.е. утвержденіе бытія. Любовь есть онтологическое первоначало. Но любовь къ Богу неотдѣлима отъ любви къ ближнему, любви къ Божьему творенію. Христіанство и есть раскрытіе богочеловѣческой любви. Меня спасаетъ , т.е. преображаетъ мою природу не только любовь къ Богу, но и любовь къ человѣку. Любовь къ ближнимъ, къ братьямъ, дѣла любви входятъ въ путь моего спасенія, моего преображенія. Въ путь моего спасенія входитъ любовь къ животнымъ и растеніямъ, къ каждой былинкѣ, къ камнямъ, къ рѣкамъ и морямъ, къ горамъ и полямъ. Этимъ спасаюсь и я, спасается и весь міръ, достигается просвѣтленіе. Мертвое равнодушіе къ человѣку и природѣ, ко всему живому во имя пути самоспасенія есть отвратительное проявленіе религіознаго эгоизма, есть высушиваніе человѣческой природы, есть подготовка «сердцемъ хладныхъ скопцовъ». Христіанская любовь не должна быть «стеклянной любовью» (выраженіе В. В. Розанова). Отвлеченно — духовная любовь и есть «стеклянная любовь». Лишь духовно-душевная любовь, въ которой душа преображается въ духъ, есть любовь живая, богочеловѣческая. Иногда встрѣчающееся монашески-аскетическое неблагожелательство къ людямъ и міру, охлажденіе сердца, омертвеніе ко всему живому и творческому есть вырожденіе христіанства, упадокъ въ христіанствѣ. Подмѣна заповѣди любви къ Богу и любви къ ближнему, данной самимъ Христомъ, заповѣдью внѣшняго смиренія и послушанія, охлаждающей всякую любовь, и есть вырожденіе

христiанства, неспособность вмѣстить божественную истину христiанства. Необходимо отмѣтить, что именно Православному Востоку наиболее близка идея космического преображенiя и просвѣтленiя. Западному христiанству болѣе близка судебная идея оправданiя. И для сознанiя католическаго и для сознанiя протестантскаго центральна идея оправданiя. Отсюда приобрѣтають особенное значенiе на Западѣ споры о свободѣ и благодати, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Отсюда исканiе авторитета и внѣшняго критерiя религiозной истины.*) Только мистики возвышались надъ подавляющей идеей Божьяго суда, Божьяго требованiя оправданiя отъ человѣка, и понимали, что Богу нужно не оправданiе человѣка, а любовь человѣка, преображенiе его природы. Это есть центральная проблема христiанскаго сознанiя. Въ оправданiи ли и судѣ, въ неумолимой ли Божьей справедливости сущность христiанства или въ реальномъ преображенiи и просвѣтленiи, въ безконечной Божьей любви эта сущность. Судебное пониманiе христiанства, создающее настоящiй духовный терроръ, есть суровый методъ, которымъ воспитывало христiанство народы, полные кровавыхъ инстинктовъ, жестокихъ и варварскихъ. Но этому пониманiю противостоить болѣе глубокое пониманiе христiанства, какъ откровенiя любви и свободы. Человѣкъ призванъ быть творцемъ и соучастникомъ въ дѣлѣ Божьяго творенiя. Есть Божiй зовъ, обращенный къ человѣку, на который человѣкъ долженъ свободно отвѣтить. Богу совсѣмъ не нужны покорные и послушные рабы, вѣчно трепещущiе и эгоистически занятые собой. Богу нужны сыны, свободные и творящiе, любящiе и дерзновенные. Человѣкъ страшно искажилъ образъ Бога и приписалъ Ему свою собственную извращенную и грѣховную психологию. И всегда нужно напоминать истину апокатической теологiи. Если Богу и можно приписывать аффективную жизнь, то не слѣдуетъ представлять себѣ ее по образцу самыхъ дурныхъ человѣческихъ аффектовъ. Духовный же терроръ и духовная паника, порожденные судебнымъ пониманiемъ отношенiй между Богомъ и человѣкомъ и постановкой оправданiя и спасенiя въ центрѣ христiанской вѣры, исходятъ изъ пониманiя аффективной жизни Божества, во всемъ подобной самой дурной аффективной жизни человѣка. Но Богъ открылся въ Сынѣ, какъ Отецъ, какъ безконечная любовь. И этимъ навѣки преодолевается пониманiе Бога, какъ жестокаго Хозяина и Господина, гнѣвнаго и мстительнаго. «Не послалъ Богъ Сына Своего въ мiръ, что-бы судить мiръ, но чтобы мiръ спасенъ былъ черезъ Него». «Воля же Пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣднiй день». Человѣкъ призванъ къ совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго. Христiанское откровенiе есть прежде всего благая вѣсть о наступленiи

*) Въ извѣстномъ смыслѣ догматъ папской непогрѣшимости и гноссологiя Канта покоятся на одномъ и томъ же принципѣ внѣшняго, юридически оправданнаго критерiя Истины.

Царства Божьяго, искать котораго намъ заповѣдано прежде всего. Исканіе же Царства Божьяго не есть исканіе лишь личнаго спасенія. Царство Божье есть преображеніе міра, всеобщее воскресеніе, новое небо и новая земля.

IV.

Христіанское міропониманіе не только не обязываетъ насъ, но и не позволяетъ намъ думать, что реальны только отдѣльныя души людей, что только онѣ составляютъ твореніе Божье. Общество и природа тоже вѣдь реальности и сотворены Богомъ. Общество не есть человѣческая выдумка. Оно такъ же изначально, такъ же имѣетъ онтологическіе корни, какъ и человѣческая личность. И человѣческую личность нельзя вырвать изъ общества, какъ общество нельзя отдѣлить отъ человѣческихъ личностей. Личность и общество находятся въ живомъ взаимодействіи, принадлежатъ одному конкретному цѣлому. Духовная жизнь личностей отображается на жизни общества. И общество есть нѣкій духовный организмъ, который питается жизнью личностей и питаетъ ихъ. Отрицаніе реальности общества есть номинализмъ. И такого рода номинализмъ имѣетъ роковыя послѣдствія для церковнаго сознанія, для пониманія природы Церкви. Церковь есть духовное общество и общество это обладаетъ онтологической реальностью, оно не можетъ быть сведено къ взаимодействию отдѣльныхъ спасающихся душъ. Въ церковномъ обществѣ осуществляется Царство Божье, а не только спасаются отдѣльныя души. Когда я говорю, что спастись можно лишь въ Церкви, я утверждаю соборность спасенія, спасеніе въ духовномъ обществѣ и черезъ духовное общество, спасеніе съ моими братьями во Христѣ и со всѣмъ твореніемъ Божьимъ, и отрицаю индивидуалистическое пониманіе спасенія, спасеніе въ одиночку (спасайся, кто можетъ, продирайся въ Царство Небесное, какъ говорилъ одинъ православный), отвергаю эгоизмъ спасенія. Многие думаютъ, что истолкованіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, есть по преимуществу церковное истолкованіе. Но въ дѣйствительности оно сталкивается съ самой идеей Церкви и подвергаетъ реальность Церкви номиналистическому разложенію. Если какія либо мнѣнія внѣшне господствуютъ въ православномъ мірѣ и почитаются нѣкоторыми іерархами особенно церковными, то это еще не означаетъ, что они наиболѣе церковны въ глубокомъ, онтологическомъ смыслѣ слова. Когда-то аріанство господствовало среди іерархіи Востока. Возможно, что эти мнѣнія отражаютъ упадокъ христіанства, окостенѣніе въ христіанствѣ. Въ мірѣ не было бы такихъ страшныхъ катастрофъ и потрясеній, не было бы такого безбожія и умаленія духа, если бы христіанство не стало безкрылымъ, скучнымъ, нетворческимъ, если бы оно не перестало вдохновлять и направлять жизнь человѣческихъ обществъ и культуръ, если бы оно не было загнано въ небольшой уголокъ человѣческой души, если бы условный и внѣшній дог-

матизмъ и ритуализмъ не замѣнили реального осуществленія христіанства въ жизни. И будущее человѣческихъ обществъ и культуръ зависитъ отъ того, получатъ ли христіанство творческое, преобразующее жизнь значеніе, раскроется ли вновь въ христіанствѣ духовная энергія, способная породить энтузіазмъ, повести насъ отъ упадка къ подъему.

Официальные люди Церкви, профессионалы религіи, говорятъ намъ, что дѣло личнаго спасенія есть единое на потребу, что творчество для этой цѣли не нужно и даже вредно. Зачѣмъ знаніе, зачѣмъ наука и искусство, зачѣмъ изобрѣтенія и открытія, зачѣмъ правда общественная, творчество новой, лучшей жизни, когда мнѣ грозитъ вѣчная гибель и единственно нужно мнѣ вѣчное спасеніе. Такого рода подавленное и прямо таки паническое религіозное сознаніе и самочувствіе не можетъ оправдать творчества. Ничто не нужно для дѣла личнаго спасенія души. Знаніе въ такой же мѣрѣ не нужно, какъ не нужно искусство, не нужно хозяйство, не нужно государство, не нужно самое существованіе природы, Божьяго міра. Правда, иногда скажутъ вамъ, что нужно существованіе государства и при томъ въ формѣ самодержавной монархіи, такъ какъ вся эта религіозная система жизни возможна была только благодаря существованію православной монархіи, на которую и было возложено все строительство жизни. Но послѣдовательно мысля, нужно признать, что государство не только не нужно для моего спасенія, но скорѣе вредно. Такого рода религіозное сознаніе никакого дѣла въ мірѣ оправдать не можетъ или можетъ лишь по непослѣдовательности и попустительству. Это есть буддійскій уклонъ въ христіанствѣ. Остается только идти въ монастырь. Но самое существованіе монастырей предполагаетъ охраненіе ихъ государственнымъ порядкомъ. Этого рода сознаніе склонно оправдывать мѣщанскій бытъ, какъ смиренный и безопасный, и сопрягать его въ одну систему съ монашескимъ подвигомъ немногихъ, но творчества оправдать никогда не можетъ. Вопросъ нужно ставить иначе и христіанство не только разрѣшаетъ, но и предписываетъ намъ ставить иначе вопросъ. Простая баба, говорятъ намъ, спасается лучше, чѣмъ философъ, и для спасенія ея не нужно знаніе, не нужна культура и пр. Но позволительно усумниться въ томъ, что Богу нужны только простыя бабы, что этимъ исчерпывается планъ Божій о мірѣ, Божья идея о мірѣ. Да и простая баба сейчасъ есть миеъ, она стала нигилисткой и атеисткой. Вѣрующимъ же сталъ философъ и человѣкъ культуры. Могутъ по своему спастись невѣжды, дураки и даже идіоты, но позволительно усумниться, чтобы въ Божью идею о мірѣ, въ замысль Царства Божьяго входило населеніе его исключительно невѣждами, дураками и идіотами. Позволительно думать, ни мало не нарушая подобающаго намъ смиренія, что Божій замыселъ о мірѣ болѣе высокъ, болѣе многообразенъ и богатъ, что въ него входитъ положительная полнота бытія, онтологическое совершенство. Апостоль рекомендуетъ намъ быть младенцами по сердцу, но не по уму. И вотъ творчество человѣка, знаніе, искусство, изобрѣтеніе, усовер-

шенствованіе общества и пр., и пр., нужно не для личнаго спасенія, а для осуществленія замысла Божьяго о мірѣ и человѣчествѣ, для преображенія космоса, для Царства Божьяго, въ которое входитъ вся полнота бытія. Человѣкъ призванъ быть творцомъ, соучастникомъ въ Божьемъ дѣлѣ міротворенія и міроустроенія, а не только спастись. И человѣкъ можетъ иногда во имя творчества, къ которому онъ призванъ Богомъ, во имя осуществленія дѣла Божьяго въ мірѣ, забывать о себѣ и своей душѣ. Людямъ даны Богомъ разные дары и никто не имѣетъ права зарывать ихъ въ землю, всѣ должны творчески использовать эти дары, указующіе на объективное призваніе человѣка. Объ этомъ съ большой силой говоритъ Апостоль Павелъ (Первое посл. къ Коринѣян. Гл. 12. 28) и Апостоль Петръ (Первое посл. Гл. 4 10) Таковъ замыселъ Божій о человѣкѣ, что природа человѣческой личности творческая. Спасается личность. Но для того, чтобы личность спаслась, нужно чтобы она была утверждена въ своей подлинной природѣ. Подлинная же природа личности въ томъ, что она есть центръ творческой энергіи. Въ творчества нѣтъ личности. Спасается для вѣчности творческая личность. Утвержденіе спасенія противъ творчества есть утвержденіе спасенія пустоты, небытія. Человѣку въ положительномъ бытіи его присуща творческая психологія. Она можетъ быть подавлена и скрыта, можетъ быть раскрыта, но она онтологически присуща человѣку. Творческой инстинктъ въ человѣкѣ есть безкорыстный инстинктъ, въ немъ забываетъ человѣкъ о себѣ, выходитъ изъ себя. Научное открытіе, техническое изобрѣтеніе, творчество художественное, творчество общественное могутъ быть нужны для другихъ и использованы для цѣлей утилитарныхъ, но самъ творящій безкорыстенъ и отрѣшенъ отъ себя. Въ этомъ существе творческой психологіи. Психологія творчества очень отличается отъ психологіи смиренія и не можетъ быть на ней построена. Смирненіе есть внутреннее духовное дѣланіе, въ которомъ человѣкъ занятъ своей душой, самопреодоленіемъ, самоусовершенствованіемъ, самоспасеніемъ. Творчество есть духовное дѣланіе, въ которомъ человѣкъ забываетъ о себѣ, отрѣшается отъ себя въ творческомъ актѣ, поглощенъ своимъ предметомъ. Въ творествѣ человѣкъ испытываетъ состояніе необычнаго подъема всего своего существа. Творчество всегда есть потрясеніе, въ которомъ преодолевается обыденный эгоизмъ человѣческой жизни. И человѣкъ согласенъ губить свою душу во имя творческаго дѣянія. Невозможно дѣлать научныя открытія, философски созерцать тайны бытія, творить художественныя произведенія, создавать общественныя реформы лишь въ состояніи смиренія. Творчество предполагаетъ другое духовное состояніе, не противоположное смиренію, но качественно отличное отъ него, другой моментъ духовной жизни. И св. Аѳанасію Великому открылась истина омоусіи не въ состояніи смиренія, а въ состояніи творческаго подъема и озаренія, хотя смиреніе и предшествовало этому. Творчество предполагаетъ своеобразную духовную аскезу, творчество не есть попусканіе своихъ страстей. Творчество предполагаетъ самоотреченіе и жертву, побѣду надъ властью «міра». Творчество

есть обнаруженіе любви къ Богу и божественному, а не къ міру сему. И потому путь творчества есть также путь преодоленія «міра». Но творчество есть иное качество духовной жизни, чѣмъ смиреніе и аскеза, есть обнаруженіе богоподобной природы человѣка. Иногда разсуждаютъ такъ: сначала человѣкъ долженъ спасаться, побѣждать грѣхъ, а потомъ уже творить. Но такое пониманіе хронологическаго соотношенія между спасеніемъ и творчествомъ противорѣчитъ законамъ жизни. Такъ никогда не происходило и не будетъ происходить. Спасаться я долженъ всю жизнь и до конца жизни моей мнѣ не удастся окончательно побѣдить грѣхъ. Поэтому никогда не наступитъ времени, когда я въ силахъ буду начать творить жизнь. Но такъ же, какъ человѣкъ всю жизнь долженъ спасаться, онъ всю жизнь долженъ творить, участвуя въ творческомъ процессѣ сообразно своимъ дарамъ и призванію. Соотношеніе между спасеніемъ и творчествомъ есть идеальное и внутреннее соотношеніе, а не соотношеніе реальной хронологической послѣдовательности. Творчество помогаетъ, а не мѣшаетъ спасенію, потому что творчество есть исполненіе воли Божіей, повиновеніе Божьему призыву, соучастіе въ дѣлѣ Божьемъ въ мірѣ. Плотникъ ли я или философъ, я призванъ Богомъ къ творческому строительству. Мое творчество можетъ быть искажено грѣхомъ, но полное отсутствіе творчества есть выраженіе окончательной подавленности человѣка первороднымъ грѣхомъ. Невѣрно, что подвижники и святые только спасались,— они также творили, были художниками человѣческихъ душъ. Апостоль Павелъ по духовному своему типу былъ въ большей степени религіознымъ гениемъ творцомъ, чѣмъ святымъ.

V.

Не всякое творчество хорошо. Можетъ быть злое творчество. Творить можно не только во имя Божіе, но и во имя дьявола. Но именно потому нельзя уступать творчества дьяволу, антихристу. Антихристъ съ большей энергіей обнаруживаетъ свое лже-творчество. И если не будетъ христіанскаго творчества и христіанскаго строительства жизни, христіанскаго строительства общества, то антихристіанское и антихристово творчество и строительство будетъ захватывать все большіе и большіе районы, будетъ торжествовать во всѣхъ сферахъ жизни. Но для дѣла Христова въ мірѣ нужно отвоевывать какъ можно большіе районы бытія, нужно какъ можно меньше уступать антихристу и его работѣ въ мірѣ. Уходя отъ міра, отрицая творчество въ мірѣ, вы предоставляете судьбу міра антихристу. Если мы христіане не будемъ творить жизни въ истинной свободѣ и братствѣ людей и народовъ, то это будетъ ложно дѣлать антихристъ. Дуалистическій разрывъ между личной духовной настроенностью и нравственностью, для которыхъ христіанство требуетъ аскезы, отрѣшенности, жертвенности и любви, и настроенностью и нравственностью общес-

твенной, созидающей государство, хозяйство и пр., для которых христианство допускает привязанность к материальным вещам, культ собственности и жажду богатства, конкуренцию и соревнование, волю к власти и пр., дальше не может существовать. Христианское сознание не может допустить, чтобы общество покоилось на свойствах, которое оно признает порочными и греховными. Христианское возрождение предполагает новое духовно-общественное творчество, созидание реального христианского общества, а не условно-символического христианского государства. Невозможно далее терпеть условной лжи в христианстве. Торжествует антихристианский социализм, потому что христианство не решает социального вопроса. Торжествует антихристианский гностицизм, потому что христианство не раскрывает своего христианского гнозиса. И так во всем. Мы подходим к последнему предѣлу. Секулярная, гуманистическая, нейтральная культура становится все меньше и меньше возможной. Никто больше не верит в отвлеченную культуру. Повсюду человек стоит перед выбором. Мир разделяется на противоположные начала. Далее не может все происходить так, как происходило в новой истории. И вместе с тем невозможно возврат к старому средневековью. Проблема творчества, проблема христианской культуры и общества неразрешима церковно-иерократически. Это есть проблема религиозного освящения начала человеческого, а не восстановление господства начала ангельского. Творчество есть сфера человеческой свободы, исполненной преизбыточной любви к Богу, миру и человеку. Вывести из кризиса мира и кризиса христианства не могут ни начала новой истории, ни начала старого средневековья, а лишь начала нового средневековья. Христианское творчество будет делом монашества в миру. *) Религиозный кризис нашей эпохи связан с тем, что церковное сознание ущемлено, не постигло полноты. И раньше или позже эта полнота должна быть достигнута и должно раскрыться, что положительное творческое движение в мире, в культуре было раскрытием человеческой свободы в Церкви, было обнаружением жизни человечества в Церкви, т.е. было неосознанно церковным. Творчество человека в мире было жизнью самой Церкви, как Богочеловечества. Это отнюдь не значит, что все творчество и созидание человека в новой истории было неосознанно церковным. Процесс этот был двойствен, в нем уготовлялось и царство мира сего, царство антихриста. В гуманизм была и великая ложь, возстание против Бога, готовилось истребление человека и угашение бытия. Но было и положительное искание человеческой свободы, было обнаружение творческих сил человека. Далее творческий процесс в человечестве не может оставаться нейтральным, он должен стать положительно церковным, осознать себя, или окончательно стать антицерковным, антихристианским, сата-

*) Этим я, конечно, ни мало не отрицаю вѣчнаго и основоположнаго значенія монашества въ точномъ смыслѣ слова.

ническимъ. Въ мірѣ, въ культурѣ должно быть произведено реально-онтологическое раздѣленіе, не формально и внѣшне-церковное, а внутренне-духовное и онтологически-церковное. Въ этомъ смыслѣ нашихъ временъ. Божественныя энергіи дѣйствуютъ повсюду въ мірѣ многообразными и часто незримыми путями. И не слѣдуетъ соблазнять «малыхъ сихъ» нашего времени, блудныхъ сыновъ, возвращающихся въ церковь, отрицая всякій положительный религіозный смыслъ за творческими процессами, происходившими въ мірѣ.

Въ новое время всѣ духовно значительные люди были духовно одиноки. Страшно одинокъ, трагически одинокъ былъ гений, творческій зачинатель. Не было религіознаго сознанія о томъ, что гений — посланникъ небесъ. И рѣдко лишь раздавались такіе голоса, какъ голоса отдѣльныхъ католиковъ, требовавшихъ канонизаціи Христофора Колумба. Это одиночество гения порождено дуализмомъ, о которомъ все время была рѣчь. Преодолѣть его можетъ лишь христіанское возрожденіе, которое будетъ творческимъ. Но творческое церковное возрожденіе нельзя мыслить въ іерократическихъ категоріяхъ, нельзя втиснуть въ рамки церковнаго профессионализма, нельзя мыслить, какъ исключительно процессъ «сакральный», въ противоположность процессамъ «профаннымъ». Творческое церковное возрожденіе пойдетъ и отъ движенія въ міру, въ культурѣ, отъ накопившихся въ міру творческихъ религіозныхъ энергій. Мы должны болѣе вѣрить, что Христосъ дѣйствуетъ въ своемъ духовномъ человѣческомъ родѣ, не оставляетъ его, хотя бы дѣйствіе это было для насъ незримо. Христіане стоятъ передъ задачей оцерковленія всей жизни. Но оцерковленіе не означаетъ непремѣнно подчиненія всѣхъ сторонъ жизни Церкви, понимаемой дифференціально, т.е. не означаетъ возобладаніе теократіи и іерократіи. Оцерковленіе имѣетъ своей неизбѣжной стороной признаніе церковнымъ того духовнаго творчества, которое представлялось внѣцерковнымъ для дифференціаленаго и іерократическаго церковнаго сознанія. Церковь въ глубинномъ смыслѣ слова жила и въ міру, въ міру были неосознанные церковные процессы. Восполненіе Церкви, какъ жизни богочеловѣческой, раскрытіе интегральнаго церковнаго сознанія означаетъ обогащеніе новымъ духовнымъ опытомъ человѣчества. Этотъ духовный опытъ нельзя оставлять неоправданнымъ и неосвященнымъ. Человѣкъ безмѣрно тоскуетъ и жаждетъ освященія своихъ творческихъ исканій. Церковь есть жизнь, жизнь есть движеніе, творчество. Невозможно долѣе терпѣть, чтобы творческое движеніе оставалось внѣцерковнымъ и противцерковнымъ, а Церковь была бездвижной и лишенной творческой жизни. Извѣстныя формы церковнаго сознанія охотно признавали теофанію въ застывшихъ формахъ быта, въ неподвижныхъ историческихъ тѣлахъ (напр. монархической государственности). Но наступаютъ времена, когда церковное сознаніе должно будетъ признать теофанію въ творествѣ. Внѣцерковное, секулярное, гуманистическое творчество исчерпано, повсюду упирается въ тупикъ. Культура испошлена. Лучшихъ людей мучитъ жажда вѣчности. А это значитъ, что должна наступить эпоха творчества

церковнаго, христiанскаго, богочеловѣческаго. Церковь не можетъ остаться уголкомъ жизни, уголкомъ души. Мы уповаемъ, что все творческое, преображающее отношенiе къ жизни перейдетъ изъ мiра въ Церковь. Только въ Церкви можетъ храниться и раскрываться образъ человѣка и свобода человѣка, которые истребляются процессами, происходящими въ мiрѣ. Въ безбожной цивилизаціи будетъ погибать образъ человѣка и свобода духа, будетъ изсякать творчество, начинается уже варваризація. Церковь еще разъ должна будетъ спасти духовную культуру, духовную свободу человѣка. Это я и называю наступленiемъ новаго средневѣковья. Пробуждается воля къ реальному преображенiю жизни, не только личной, но и общественной и мiровой. И эта благая воля не можетъ быть остановлена тѣмъ сознаниемъ, что Царство Божье на землѣ не возможно. Царство Божье осуществляется въ вѣчности и въ каждомъ мгновенiи жизни и независимо отъ того, въ какой мѣрѣ сила зла внѣшне побѣждаетъ. Наше дѣло отдать всю свою волю и всю свою жизнь побѣдѣ силы добра, правдѣ Христовой во всемъ и повсюду.

Жизнь человѣческая расщеплена и раздавлена двумя трагедiями — трагедiей Церкви и трагедiей культуры. Трагедiи эти порождены дуалистическимъ ущербленiемъ, обѣднѣнiемъ Церкви до дифференціального, iерократическаго ея пониманiя. всегда противоположащаго Церковь мiру. Мы христiане не должны любить «мiра» и того, что отъ «мiра», должны побѣдить «мiръ». Но этотъ «мiръ» по опредѣленiю святоотеческому есть страсти, есть грѣхъ и зло, а не Божье творенiе, не космосъ. Церковь противоположна такому «мiру», но не противоположна космосу, Божьему творенiю, положительной полнотѣ бытiя. Разрѣшенiе двухъ трагедiй — въ жизненномъ, а не теоретическомъ только осознанiи христiанства, какъ религiи не одного лишь спасенiя, но и творчества, религiи преображенiя мiра, всеобщаго воскресенiя, любви къ Богу и человѣку, т.е. въ цѣлостномъ вмѣщенiи христiанской истины о Богочеловѣчествѣ, о Царствѣ Божьемъ. И положительное разрѣшенiе находится по ту сторону стараго противоположенiя гетераномiи и автономiи. Творчество не гетераномно и не автономно, оно вообще не «номно», оно богочеловѣчно, оно есть обнаруженiе избыточной любви человѣка къ Богу, отвѣтъ человѣка на Божiйзовъ, на Божье ожиданiе. Мы вѣримъ, что въ христiанствѣ заключены неисчерпаемыя творческія силы. И обнаруженiе этихъ силъ спасетъ мiръ отъ упадка и увяданiя. Вопросъ въ наше время идетъ не о борьбѣ церковнаго и внѣцерковнаго христiанства, а о духовной борьбѣ внутри Церкви, внутренне церковныхъ теченiй, теченiя исключительно охранительнаго и теченiя творческаго. И монополiя церковности не можетъ принадлежать исключительно теченiямъ охранительнымъ, враждебнымъ творчеству. Отъ этого зависитъ будущее Церкви на землѣ, будущее мiра и человѣчества. Въ Церкви есть вѣчное консервативное начало, должны незыблемо храниться святыня и преданiе. Но въ Церкви должно быть и вѣчное творческое начало, начало преображающее, обращенное ко Второму Пришествiю Христову, къ торжествующему Царству Божь-

ему. Въ основѣ христіанской вѣры лежитъ не только священство, но и пророчество. «И какъ, по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія, то имѣешь ли пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры» (Къ Римлянамъ 12.6). Творчество, творческое обнаруженіе генія чловѣка есть до времени секуляризованное пророчество, которому должно быть возвращено его священное значеніе.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.